

ЮБИЛЯРИЙ

— Оперетта — это улыбки, танцы, бабочки, цилиндры, длинные платья... Сказка, одним словом. Ваша жизнь вне театра похожа на эту сказку?

Жанна: — У нас сказка на сцене.

Герард: — А если быть честными, то почему же не сказка? У меня молодая жена, у меня сын, которому два года и три месяца — чудный, любимый, наше солнышко. Мы живем в хорошем районе, выходим гулять в сквер, где много красивых цветов. Ну разве не сказка?

— По жизни вас можно назвать франтами, щеголями? Одеваетесь в дорогих бутиках или на вещевых рынках?

Ж.: — Ну уж не на рынках...

Г.: — Вот так и одеваемся. (Васильев — в простой светлой рубашке и черных брюках, Жанна — в джинсовом костюмчике.) Вот чем вы отличаетесь друг от друга? (Герард Вячеславович кивает на мою джинсовку.) Да ничем. Нет, мы с Жанной не тратим деньги на показуху.

— Отдых. Гавайи, подмосковная дача или вы вообще не отдыхаете?

— Не так далеко, как Гавайи, и не так близко, как Подмосковье. У нас есть простой дом в деревне. Зато перед домом — большая поляна, потом — соловьиная роща, рядом река Дёржа, в 500 метрах — река Волга. Место замечательное.

— Машина. Дорогая, презентабельная или подержанный "жигуленок"?

Г.: — "Ниссан Альмера". Но я всю жизнь ездил на "Жигулях". Сначала "копейка", потом "двойка", "семерка", "девятка"... Лет-то прожито немало. Но вот недавно купили иномарку.

Ж.: — И знаете почему? Это был единственный год, когда мы не выпустили ни одного спектакля антрепризного и ни одного диска. Решили на это не тратить свои гонорары, а сделать наконец себе подарок.

— А что, спектакли и диски вы выпускаете на свои кровные?

— Да, мы никогда не обращались к спонсорам.

— Так, уже теплее, ближе к Гавайям. Но продолжим. Ужинаете в дорогих ресторанах или лучше дома яичницу на сковородке?

Г.: — Мы стараемся вообще не ужинать. Меня однажды кто-то спросил: "Как вам удается поддерживать такую форму?" Говорю: "С утра я съедаю тарелку овсяной каши, в обед ем гречневую. Перед спектаклем ничего не ем. После спектакля прихожу домой, конечно, страшно голодный, открываю холодильник — он пуст. Я его закрываю, ложусь спать. И остаюсь стройным".

— Это уже упрек в адрес Жанны.

— Нет, тогда я еще не был женат на Жанне. Теперь все иначе. До спектакля еще как-то держусь, зато после него Жанна накладывает мне американскую порцию. То есть если бифштекс, то на целую тарелку. Говорю ей: "Что ты делаешь?" — "Ну, сколько съешь". Я съедаю все. А рестораны... Нам больше хочется побыть дома с ребенком. Так что Гавайи, вилла, шикарные рестораны, бриллианты... Не для нас.

— Так что же, сказка — обман?

Ж.: — Ну почему. Мы в этой сказке живем и в эту сказку верим. Даже в свое время благодаря этой сказке поженились. Сыграли спектакль, а на другой день объяснились в любви.

■ ■ ■
— Герард Вячеславович, 70-е годы — пик вашей популярности, да и оперетты в целом. Что это было: ночные очереди за билетами в театр, толпы визжащих поклонниц?

— Ничего такого не было. Я очень активно ездил на гастроли по Советскому Союзу. Да, аншлаги, огромные афиши. Да, новогоние "Огоньки", правительственные концерты. Да, на улице иногда меня смущали женские взгляды, девчонки хихикали, подбегали взыть автограф. Но тогда ведь не было такого понятия — звезда. Это сейчас звезды на каждом перекрестке, все усыпано звездами, идешь — под ногами скрипят. А на небо посмотрю — вроде их и не так много.

— Но если пишут: "самый красивый актер Советского Союза", "самый элегантный мужчина" — наверняка женщины устраивали за

После спектакля "Принцесса цирка" они признались друг другу в любви.

в а м и охоту? Де-

ла давние, Жанна, думаю, не обидится.

— И любили меня, конечно, за любвеобильных моих героев. Ну как вы думаете: у меня лучший в Советском Союзе фрак — сейчас немного маловат стал. Лучший цилиндр. На нем было вышито: "Париж—Санкт-Петербург". Старинный! У меня есть трость князя Гедрольца. Меня одевал лучший модельер страны Павел Котушонок, я ведь у него еще в Ленинградском доме моделей работал. Но если скажу, что женщины за мной бегали, это будет нескромно.

— А скажете, что не бегали, будет неправда?

— Ну что-то в этом духе было. Но! Не было слухов о громких романах. И у нас в театре никто не может сказать, что был свидетелем моих любовных походов.

Ж.: — А помнишь, ты мне про телеграмму рассказывал?

Г.: — Да, однажды я получил письмо. Из Севастополя, кажется. Женщина пишет: хочу иметь от вас ребенка. А Лида (моя предыдущая жена, ее уже нет на этом свете) — она достаточно острая была на язык, говорит: "Напиши ей: высылаю сына, зовут Вася, 10 лет..."

— Она должна была быть очень умной женщиной. А вы — человеком, у которого, как сейчас говорят, не съехала бы...

— ...крыша? Ну, для моей крыши, чтобы она съехала, нужно очень сильное воздействие. Да нет, если любишь свое дело, что еще надо? Понимаете, вот, распеваешь, упражняешься, порой думаешь: Господи, какую я профессию выбрал? На улице погода, солнце — гулять надо, дышать. А я должен сидеть в классе, заниматься вокалом, роль учить. Но вот я прихожу в театр... (Герард Вячеславович вмиг преображается: осанка, белозубая улыбка, блеск в глазах.) Включаю эти лампы... Причем помню, что их надо по очереди включать, чтобы не ударило током. (Жанна, не отрывая от мужа влюбленного взгляда, сопровождает каждое его слово искристыми смехом.) Потом смотрю на свою зеленую физиономию и потихонечку начинаю: седину чуть-чуть замазал, лысину убрал. А когда уж надел костюм и встал перед большим зеркалом (медленно приподнимается со стула: одна рука в кармане, голова немного набок — сама элегантность), думаешь: а что, еще ничего! Причем все имеет значение: и грим, и фрак, и ботинки. Я знаю все приемы, чтобы костюм сидел идеально.

— Ну например?

— (Уже присевший Васильев вытягивает перед собой ногу.) Нельзя, чтобы шурки болтались. Зрителей ничего не должно отвлекать. Я знаю, как завязать жилет, надеть бабочку, сделать так, чтобы рубашка не вылезала. Обязательно подтяжки — ни в коем случае ремень. Фрак — это же мой скафандр, мой рабочий комбинезон.

— А походка?

— Походка?! Выхожу я на улицу, с собакой. (Те-

Герард ВАСИЛЬЕВ и Жанна ЖЕРДЕР:

"Мы как молодожены: до сих пор гуляем за ручку и целуемся в лифте"

перь Васильев идет понутив голову, еле волоча ноги.) Иду, иду. Шаркаю всегда. Сосед останавливает: "Герард, что с тобой?" — "Что? А-а-а, ты имеешь в виду это?" (Меняется в мгновение ока: снова руку в карман, движения плавные, слегка вальяжные — в общем, фронт, каких поискать — даром, что ли, в Доме моделей учили.)

■ ■ ■
Г.: — (Листает фотоальбом, взгляд задерживается на карточке из "Принцессы цирка".) Вот этот спектакль наш роковой...

— Первый ваш совместный?

— Да нет, до этого мы десять лет работали вместе, не обращая друг на друга ни малейшего внимания. Жанна была замужем, я женат.

Ж.: — Кстати, еще тогда, задолго до нашего с Герардом романа, мой муж почему-то жутко ревновал меня к нему. Хотя не было никаких оснований.

Г.: — Вот какой я яркий был мужчина!

— А муж Жанны — какой проницательный.

Г.: — Юра вообще умный, проницательный мужчина. Должен сказать, я ему очень признателен: воспитал такую женщину.

— Но из-за чего он ревновал?

Ж.: — Видимо, у Герарда такая мощная харизма...

Г.: — Да нет, просто в спектакле "Последняя женщина сеньора Хуана" режиссером были поставлены очень откровенные сцены. Там была кровь, на которую мы ложились, штормка задерживалась, и... Причем (я не знаю, стоит ли об этом говорить) Жанна играла по поясу голая. Я бы на месте ее мужа тоже призадумался.

— А вы за штормкой, разумеется, мило беседовали о погоде, о великой силе искусства?

Г.: — Ни о чем мы с ней не говорили, даже не смотрели друг на друга. Она чужая женщина — как я мог себе позволить?

Ж.: — Да нет, Гер, я помню, ты мне даже что-то про деревню свою рассказывал.

Г.: — Что, наверное, сильно ее удивляло. Почему не пристаю?

— Герард Вячеславович, когда же вы решились предложить Жанне руку и сердце?

— Четыре года я вдовствовал...

— Это было время активного поиска невест?

— Поиска не было никакого. Мне было под 60, я уже стал привыкать к этой жизни. Спокойно себе жил, работал. В отпуск уезжал строить дом. Я во-

Герард Васильев. Подходящее имя для артиста.

Услышав раз, уже не забудешь.

Жанна Жердер. Сочетание не менее звучное.

Он — седовласый джентльмен, вечный обольститель красоток кабаре. Мистер Икс, Дон Хуан, Эдвин. Фрачный герой. Она — яркая блондинка. Теодора, Розалинда, Сильва. Романтическая героиня.

Герои не нашего времени.

Ему в субботу исполнится 70, она — почти вдвое моложе. На сцене — пылкие любовники. В жизни — муж и жена, молодые родители. А в купе — пожалуй, самая яркая пара Московского театра оперетты.

ВОЗРАСТ ЛЮБВИ

Герард и Жанна с сыном.

обще никогда не заглядывал вдаль.

— Что же случилось на том роковом спектакле? Если даже полуобнаженная Жанна за штормкой искру в вас не зажгла.

— Здесь уже никаких штормок не было. Моя партнерша, с которой я постоянно играл, оказалась занята, она попросила Жанну ее заменить. В общем, там мы пели, за руку все время держались. Вот так, через руку, все и произошло.

Ж.: — Как-то получилось, что к концу спектакля я поняла, что без него не могу жить. Помню, на другой день пришла в театр, зашла в буфет выпить кофейку. И увидела, что стоит Гера. И что у него такой же, как у меня, немного растерянный вид. Мы вместе сели за столик, но ничего друг другу сказать не смогли. Так молча и сидели.

— Наверняка оба боялись серьезности отношений? Хотя бы из-за разницы в возрасте.

Г.: — В определенный момент я сказал ей: "Жан-

на, я не так молод, не так здоров и не так богат, как кажется". На что она ответила, что для нее это не имеет значения. И мы стали жить вместе.

— Коллеги смотрели осуждающе или хлопали по плечу: "Ну ты молодец!"?

Г.: — Таращили на меня глаза. То я был как монах, а тут вдруг... Действительно подходили, говорили: "У-у, смелый поступок". Отвечал: "Ну, смелым его назвать трудно. Может быть, необдуманный". Но гораздо сложнее наши отношения усваивали, пережевывали родители Жанны.

— Они же, наверное, ваши ровесники?

— Моложе! (Васильев и его жена хохочут, глядя друг на друга.) Но они же актеры оперетты, и мы знали друг о друге достаточно. Правда, никогда прежде не общались...

Ж.: — Как же, папа рассказывал, что как-то вы даже в одной гримборной были.

Г.: — Ну это он помнит, а я... Папа в то время обо-

мне очень хорошо отзывался. А когда он оказался моим "папой"! Он просто рвал и метал. Да нет, они замечательные люди. Вот этим летом приезжали, обалдели от Сережки. Как говорится, дети примиряют.

— Кстати, Сережа — еще более смелый ваш поступок.

— Это ее смелость. Говорил ей: как хочешь, как считаешь возможным, нужным. Потому что понимал, что на Жанну ляжет огромная нагрузка. А я чего — я люблю детей. У меня в Ленинграде живет сын от первого брака, ему уже 44. Ушел от него, когда ему было три года. Страдал, конечно. Но много лет спустя, когда Слава уже стал взрослым, он мне сказал: "Папа, мне кажется, мы не должны передавать приветы через чужих людей. Я люблю тебя, горжусь тобой, у нас все в порядке". Мужской поступок.

■ ■ ■
— Вы женаты уже семь лет. Еще можете называть себя молодоженами?

Ж.: — Во всяком случае, мне кажется, что мы только недавно поженились.

Г.: — Да, мне тоже так кажется. Когда вы назвали цифру семь, подумал: неужели, Господи?

— Если вы молодожены — а по вам действительно видно, что оба вы люди молодые, — гуляете ли по вечерам за ручку?..

— (Хором.) Гуляем, гуляем.

— Целуетесь в подъездах?

Г.: — В лифте, во всяком случае, точно. Но сейчас мы очень устаем. Ребеночек у нас маленький, шустрый такой, боевой парень.

— А мне рассказывали, что на спектакли вы берете Сережу с собой, потому что дома с ним некому сидеть.

Ж.: — У нас няня с ним сидит. Но когда мы едем на гастроли, действительно берем с собой.

Г.: — Помню, выступаем: Жанна поет соло, а Сережа у меня на руках, за сценой. И вот сейчас нам надо выходить обоим, петь дуэт из "Сильвы", а этот уже расскандалился, его лимит кончился. Меня за кулисами толкают в бок: "Да идите вы с ним уже!" И мы вышли. Втроем. Публика обалдела. Пою: "Помнишь ли ты..." — а Сильвочка-то уже "немножко с ребенком".

Ж.: — А когда мы ездили в Йошкар-Олу, он всю трехчасовую репетицию просидел у меня на руках. И после того, как все закончилось, дирижер сказал: "Только один человек на сцене внимательно на меня смотрел". И показал на Сережу.

— Говорят, мужчине столько лет, сколько лет его женщине. Вам сколько?

Г.: — Да нет, с высоты своего возраста я многих вещей молодежных не понимаю и тогда высказываю это Жанне. Она говорит: да что ты, это прекрасно, это естественно. И я соглашаюсь.

Ж.: — Пирсинг в пупке, например. (Смеется.)

Г.: — В мое время, если бы девушка пошла бы вот так, ее бы трахнули немедленно. Более того, молодого человека бы оправдали.

— И если Жанна, как молодая модная девушка, сделает себе пирсинг?..

Ж.: — Нет-нет, я могу только объяснить, чисто теоретически.

Г.: — А что останется познавать, чего добиваться, когда пупок у тебя уже в лапе?... А насчет возраста у нас в оперетте говорят так. В "Графе Люксембурге" помнишь князя Франческо? "Ну что судачат — старенький, на молодой хочет жениться? Мне сейчас еще 70. А ей? Уже 30. А через 10 лет? Мне будет еще только 80. А ей? Уже 40!"

— В общем, не жизнь, а сплошная оперетта. Легкий жанр. Ваши отношения можно назвать опереттой?

— Знаете, еду я как-то еду на автобусе по горной дороге, перед нами велосипедист какие-то кренделя закладывает. Водитель автобуса посмотрел так: "Артист!" Я говорю: "А может, слесарь?" Так и тут. Нет, наши семейные отношения опереттой не назовешь.

— А какой жанр вам больше подходит?

— Ну не знаю... Может быть, хороший русский романс. Но не жестокий. Пока не жестокий...

Дмитрий МЕЛЬМАН.